

Александр Шурьгину почти сорок, но выглядит он щёголем. По-юношески строен, всегда аккуратно подстрижен, всякая одежда ему к лицу — не мужик, а загляденье. До последнего времени казалось, что жизнь у него ладится, он цветёт от неё, но неожиданно впечатление испортилось. И причиной этому стала Ксения — его первая любовь, когда-то забытая, но вдруг появившаяся будто ниоткуда, а против неё он не боец.

Как-то на исходе лета увидел её в магазине и обомлел, едва признав из-за непривычной полноты и узелка на затылке. Пригляделся и увидел приметную родинку на шее за левым ухом, а главное — голос ни капли не изменился, а её бархатный голос Александр узнал бы из тысячи иных голосов. Она болтала с продавщицей, а он застыл за её спиной, смотрел на родинку, на пушистый, словно пуховый, завиток рядом с ней и, чувствуя, как перехватывает дыхание, боялся глубоко вздохнуть, словно мог спугнуть волшебное видение. Мысли моментально унесли в юность, встречи с Ксенией вспомнились так чётко и ясно, словно он и не расставался с ней никогда.

Когда она расплатилась за покупки и пошла к выходу, Александр радостно окликнул:

— Ксюш...

Она не сразу, но оглянулась. На какое-то время замерла, словно ослышалась, и, улыбнувшись, кивнула, приглашая за собой. А он даже забыл, за чем заглянул в магазин. Выскочил следом.

— Вот кому не пропасть-то! — удивилась она на улице и прислонилась к его плечу, по старой привычке раскатисто хихикнула. — Ты откуда взялся-то, герой?

— Всю жизнь здесь живу, не как некоторые...

— А я вернулась к маме. Болеет она, а папа умер в прошлом году. Пришлось бросить работу, мужа. А детей у меня нет, Сашенька, — ты когда-то постарался, чтобы их не было.

Шурыгин сперва промолчал, а потом вздохнул:

— Чего теперь ворошить старое. Пустое дело.

— Да я и не ворошу, а как вспомню, как душу выматывал из тогдашней девчонки, то до сего времени ночью вскакиваю, слезами заливаясь... Молчишь. А тогда говоруном был отменным. Каждый день приставал: «Без тебя жить не могу!», «Всё для тебя сделаю!» Таким заботливым оказался, что даже к врачу потом водил, не постеснялся, денег не пожалел.

— Ты тоже не терялась, как ретивый сержант постоянно давала вводную: то «Проводи», то «Поцелуй», то «Чтобы завтра без цветов не являлся!».

Александр сразу вспомнил ту зиму, когда демобилизовался, начал работать водителем и влюбился в подростковую Ксению, жившую на соседней улице. Вернее, она сама влюбила его в себя, постоянно мелькая перед глазами. До его призыва в армию неприметной была, с косичками бегала, но, однажды увидев на танцах, едва узнал: невеста невестой! На один танец пригласил, другой — и всё, прикипел. Думал, это навсегда, на всю жизнь, но у неё были другие планы. Побывала она у врача после их встреч, кое-как сдала в школе экзамены и поехала поступать в институт. И не вернулась. А он и не переживал особенно, не зная, что уехала она с обидой в душе. Даже радовался, что всё обошлось без огласки и лишней нервотрёпки.

Вскоре познакомился с сероглазой Полиной из городского соцотдела, в тот же год женился. Жил сперва у неё, а когда родился сын Павлик, родители помогли купить двухкомнатную квартиру. Правда, пришлось немного занять, но Александр в ту пору заруливал на междугороднем автобусе и неплохо зарабатывал. Но потом их автобаза развалилась, и Шурыгин, окончив курсы охранников, начал мотаться в Москву: две недели отбарабанит, а две недели потом дома с сынишкой. Встретит его из школы, проследит, чтобы тот сделал уроки, а после, если располагала погода, уходил с ним на Сосну — рыбу удить. Уловы почти всегда незавидные, зато с сыном настоящее общение. Поднимутся они от реки, оглянутся, окинут взором заречные дали, а Шурыгин скажет:

— Вот она, Павлуш, наша Родина! Разве можно её не любить?

Сын всегда отмалчивался в такие минуты, но как-то сказал:

— И мамку тоже любить надо!

— Об этом и разговора нет, — согласился Александр, хотел напомнить, что и об отце забывать нельзя, но промолчал, опасаясь уж слишком навязывать своё мнение.

Всякий раз они, радостные, возвращались, занимались чем-нибудь по дому, и Полина в такие дни была спокойна за сына.

Когда муж уезжал на вахту, за Павликом следили его бабушки. Правда, они не всегда успевали за внуком, взрослевшим с каждым годом и проявлявшим всё большую самостоятельность. Когда Александр был в отъезде, сын мог улизнуть от надоедливой опеки и полдня бродить по городу: то

на карусель отправится и там подерётся с мальчишками, то в тире все карманные деньги потратит, то к матери на работу заявится. А как-то в Москву к отцу махнул. Но не доехал — в тот же день с поезда сняли. Но всё это теперь в прошлом. Сын повзрослел, правда, но по-прежнему ластился, как детсадовец: «Папка» да «Папка».

Все эти годы Шурыгин ничего не знал о Ксении, хотя чего проще: сходи к её родителям, поговори, глядишь, какая-то появится ясность. Но не хотел ворошить старое. Хотя кое-что узнал в прошлом году от её одноклассницы. Оказывается, уехав после школы, Ксения вместо института устроилась в Москве на электрозаводе, поселившись в общежитии, работала в обмоточном цехе, но эта работа показалась по-настоящему тяготной. Узнав, что заводские подруги вербуются на Камчатку, прикнула к ним и потом на плавбазе разделявала рыбу, ставшую сниться в кошмарах.

Более её подруга ничего не рассказала, хотя знала, что Ксения при очередном возвращении из плавания закрутила роман с местным парнем, вскоре расписалась с ним, и каторга на плавбазе осталась только в воспоминаниях. Они, понятное дело, хотели ребёнка, но ничего не получалось. Ксения для вида ходила по врачам, хотя догадывалась о причине своего несчастья, нехорошо вспоминала Шурыгина и укоряла себя, тогдашнюю дуручку. Долго мечтала об искусственной беременности. Когда же поделилась заботами с мужем, то он наотрез отказался показываться медикам, да ещё укорил: «Тебе надо — ты иди, а меня не позорь на весь город!» Ксения понимала мужа, но и обиду не могла терпеть: предложила развестись, и он легко согласился. Так и закончилась её камчатская эпопея. И вот уже полгода прошло, как она вернулась на малую родину. Устроилась диспетчером в автоколонну.

Шурыгин после разговора с подругой Ксении жил размеренно и спокойно, зная, что ничего изменить не может. Но вот, совсем не ожидая, встретил её саму, и вновь полыхнула весенней свежей молнией прежняя любовь, и вернулись нерастроченные чувства, и он, забыв обо всём на свете, провёл с Ксенией на съёмной квартире несколько ночей. Вскоре Москву бросил, вернулся за руль, устроившись в такси, и Ксения обеспечивала выгодными заказами. Но главное, из дома ушёл, никому ничего толком не объяснив, не поговорив; однажды по-тихому заехал и набрал сумку вещей. Лишь жене потом доложил по телефону коротко и грубо:

— Можешь не ждать...

— Я-то ладно... А как же сын? — охнув, спросила она.

Он промолчал, не найдя нужных слов, потому что и сам не знал их, лишь надеясь на предстоящий разговор с Павлом. Он поймёт, должен понять. Взрослый ведь совсем, недавно паспорт получил.

Пока собирался поговорить, месяц проскочил, как во сне, а он и не заметил этого из-за привалившего счастья, повторявшегося изо дня в день и ставшего продолжением начальных давних дней. Он всё-всё вспомнил, как у них начиналось: как впервые пригласил Ксюшу на танец, как впервые поцеловал, как утешал и вытирал слёзы после вспышки трепетной близости, когда никто из них не понял, как она произошла. Но ведь произошла и потом повторялась неоднократно. Шурыгин в те дни потерял голову. Он и теперь, пережив всё заново, продолжал находиться

в необъяснимо волшебном состоянии. Даже забыл на какое-то время о сыне и вспомнил о нём, когда позвонила жена и будто обожгла, сказав, что он ушёл из дома и второй день не появляется.

— В полицию-то хотя бы заявила? — резко спросил Шурыгин, сразу вернувшись с небес на землю.

— Заявила, да что толку... Это всё из-за тебя, из-за твоей крали...

— Он и прежде сбегал, с поездов снимали.

— Когда это было-то? А если и сбегал, то с тобой хотел быть, а ты этого так и не понял. Променил сына неизвестно на кого!

— Хватит мораль читать. Найдётся. Не мог он далеко уйти. Где-нибудь на вокзале болтается.

Разговаривал Шурыгин при Ксении, и она сразу поняла, о ком речь, но всё-таки спросила:

— С сыном что-то случилось?

— Из дома ушёл.

— Ничего особенного... Набегается и вернётся. На Камчатке, бывало, молодёжь месяцами на реках живёт, когда рыба на нерест идёт. И ничего — родители не переживают особо. Это же так романтично! — А у самой рот до ушей, будто вспомнила что-то неопишимо приятное.

Уж лучше бы Ксения промолчала, а то после её пустых слов да ухмылочка в Александре всё перевернулось; он догадался, что она радуется его несчастью.

— Одно дело, когда с разрешения, а другое дело, когда... — Он не договорил, не стал уточнять, имея в виду свою вину перед сыном.

Ксения хмыкнула, а он вдруг посмотрел на неё невидящим взглядом, вспомнил все отношения — и сделалось необъяснимо погано на душе от её привычки беспричинно хихикать. И ладно бы, если по-настоящему рассмеялась: открыто и радостно, если случай подходит, а то хихикнет и затаится. Разреши ей, она и сейчас бы заверещала. И представив это, он вдруг понял, как ненавидит её — обрюзгшую, липкую от пота. Никогда не думал, что перемена в отношениях может произойти в одно мгновение, но у него это произошло. И сразу по-иному посмотрел на неё с плохо скрываемым презрением, впервые пожалел, что вновь связался с ней.

Ксения это поняла, но промолчала, не стала обострять разговора, догадываясь, из-за чего ушёл из дома сын Александра. Но когда Шурыгин, вздохнув, отвернулся, она впервые почувствовала злорадство, вспомнив себя и его, из-за которого теперь не может иметь детей. Она даже согласилась бы на такого взбалмошного ребёнка, как у него. У неё бы он не убегал, она бы и на секунду не оставляла его одного. А то ведь он привык бегать из-за одиночества. У какого ребёнка хватит выдержки ждать отца две недели, если мать, как рассказывал Шурыгин, выражая недовольство, днями пропадала на работе, а после спешила в народный театр. А у их театра только название громкое, а так — сплошная самодеятельность, но жене его об этом не скажи, а кто осмеливался — навсегда враг. Александр даже и о бабушках рассказал. Они ещё те у его сына: суетливые, назойливые — либо закормят, либо заучат, а настоящей пользы от них почти никакой, если норовят всё делать по-своему, будто соревнуясь друг перед дружкой, особенно тёща, работавшая прежде бухгалтером, а теперь билетёром в кинотеатре, поэтому днём почти всегда свободная.

После известия о пропаже сына Шурыгин не стал долго пререкаться с Ксенией, сразу же поговорил со знакомым полицейским, с которым когда-то учился в школе, объяснил ситуацию, и майор успокоил:

— Не переживай, Санёк! Парень твой нормальный, никогда ни в чём не замечен, приводов не имеет. Оголодает — сам вернётся.

— В том и дело, что ни в чём не был замечен. На таких олухов всё и сваливают. Попадёт в историю, потом попробуй исправить.

— Всё пучком будет. Заявление от твоей приняли, завтра в розыск его объявим, но ты и сам по городу поищи, всё равно ведь мотаешься из конца в конец. В автоколонне объявление повесь, извести водил о пропавшем сыне, приметы сообщи, фотографию размножь. Обязательно где-нибудь отыщется. Уж поверь мне.

Шурыгин только вздохнул.

Из-за одолевшей паники он сутки мотался по городу, изучил все подозрительные места вокруг вокзала, переговорил с бродягами, оставил им номер своего мобильного, дал денег, чтобы позвонили, сообщили о белобрысом парнишке в цветастой куртке. Несколько раз говорил с Полиной, но и у той никаких новостей — лишь слёзы. Шурыгин всегда считал, что она не особенно любит Павлика, но теперь понял, что это не так, если любой разговор заканчивала укором: «Ну, что ты за отец такой, если сына найти не можешь!» Даже как-то заехал к ней, чтобы обсудить дальнейшие поиски. В прихожую зашёл и не узнал Полину. Она и прежде не отличалась упитанностью, а теперь совсем превратилась в тень, лишь глаза зарёванные округлились и смотрят до невозможности укорительно.

— Ну и зачем явился? — спросила, не глядя в глаза.

— О сыне поговорить... Я вот о чём подумал: может, его девчонка в курсе. Ведь знаешь, какие они в этом возрасте скрытные. Видел его несколько раз с одной из нашего подъезда — с короткой стрижкой такая, чернявенькая, на пятом этаже, кажется, живёт. Сходила бы к ней, может, что-то знает о Павлике.

— Об этом мог бы и по телефону попросить. Да и причём она, если Паша меня заподозрил в измене... Видишь, сумка стоит? Двоюродный брат с женой на днях из Украины приехали работу искать... Несколько дней у нас помотались, а теперь в Воронеж отправились. Если ничего и там не найдут — в Москву поедут.

— Брат-то причём?

— Притом... Паша увидел его в коридоре и подумал, что я чужого мужчину привела тебе назло — вот и сбежал. Да ещё обозвал, как последнюю... — Она не договорила, закрыла лицо руками, зарыдала.

— Что же не разьяснила-то?

— Он и слушать не захотел. Рюкзак с учебниками бросил — и сразу за порог. Сказать ничего не успела.

— Да, закавыка... Ладно, успокойся — у нас теперь общая забота! — Он попытался обнять жену, утешить, но она оттолкнула:

— Не прикасайся гадкими руками... Когда зимние вещи заберёшь?

— Заберу-заберу — не переживай... — сразу осёкся он, хотел сказать, что до последнего времени был верен ей, но понял, что сейчас бессмысленно говорить об этом. Развернулся, торопливо шагнул к двери, ничего более не сказав от досады.

Перепадка с женой настроения не улучшила, но дала понять, что и Полина переживает о сыне всерьёз. Оказывается, ещё что-то шевелится материнское в её театральной душе. Шурыгин всегда думал, что у жены на первом месте самодеятельность и свихнувшиеся тётки с их косматым престарелым режиссёром, мнящим себя, как он говорил, небожителем. Иногда они собирались у них на квартире — расфуфыренные, в невообразимых одеждах — и тогда они с сыном брали удочки и шли на Сосну или отправлялись гонять мяч на спортивную площадку.

После разговора с женой Шурыгину стало не до Ксении. Даже более того: она сделалась окончательно неприятной, особенно после того, когда у неё появились сигареты. Он отмалчивался, как мог, скрывал чувства, но как их утаишь, если они без слов понятны. А на работе и вовсе с ней о личном ни гугу. Она же из вредности стала давать заказы самые мелкие и невыгодные, а он как будто не замечает ничего: молча зайдёт в диспетчерскую, возьмёт путёвку, заказы, если есть, — и прощай до конца смены. На всю эту мелочность Александр не обращал внимания. В эти дни одна терзала забота: где отыскать сына? Уж весь город, казалось, прочесал, чуть ли не во всех подъездах побывал — никакого толку. С одноклассниками его разговаривал, с директором школы. К кому ещё обратиться — не знал. Ведь всю страну не охватишь. Оставалось ждать и надеяться. Но хорошо ждать, когда знаешь, что встреча состоится, а вот как быть, если сплошная неизвестность. Волком выть?

Прошло несколько тягостных дней, и Шурыгин вдруг испуганно понял, что привык к поискам и ожиданию, отупел от него. Оно стало привычным состоянием и почти не волновало, словно история с сыном должна разрешиться сама собой или с чьей-то посторонней помощью. А вот каким конкретно образом — это оставалось загадкой. Поэтому пустил розыски на самотёк, хотя продолжал по инерции присматриваться к прохожим, расспрашивать водителей автобусов. Всем показывал фотографию сына, но всё впустую.

Вскоре похолодало, иногда шёл снег, и где мог скрываться в такую погоду Павел? Где? Из полиции тоже никаких новостей. Позвонил приятелю, но тот как о несостоящем:

— Потерпи, потерпи. Людей годами ищут.

— Вот спасибо, дорогой друг, вот обрадовал! — не сдержав досады, подначил Шурыгин. Он и прежде-то относился к приятелю-полицейскому, у которого главным в жизни было желание получить очередную звёздочку на погоны, насмешливо, а теперь и вовсе потерял к нему уважение.

А тут ещё собственная мать, узнав от Полины об исчезновении внука и о том, что Александр ушёл от неё, закатила истерику, попросила немедленно приехать, сославшись на боли в сердце, а когда он, всё бросив, примчался, устроила показательную взбучку.

— И где же ты, милок, гнёздышко новое свил? Кто же она, что сына вынудил скитаться из-за неё? — подступила она к Шурыгину, забыв о болячках.

— Мам, не бросал я его и никогда не брошу, потому что люблю всех сильнее на свете. Всё случайно приключилось.

— Такие дела случайными не бывают. В общем, так: пока дело далеко не зашло, возвращайся к Полине, вместе сына ищите.

— Был, не нужен ей стал... Брезгует.

— Простит, если к нам жить переберёшься, пусть и не сразу. А ты змею-разлучницу, какая пригрела тебя, забудь, пока не поздно! Чтобы нога к ней не ступала!

— Что, достукался? — устало укорил вышедший из спальни на разговор отец, совсем поседевший за последнее время, сердито посмотрел из-под густых бровей.

— Что вы всем скопом навалились... Ладно, подумаю... — Это всё, что мог сказать родителям Шурыгин. Хотел забыть разговор с ними, тем более — обижаться на стариков, но их нагоняй всё равно не прошёл впустую.

Отношения с Ксенией вскоре окончательно разладились, и теперь он только ждал момента, чтобы рассчитаться из автоколонны и вернуться в охранники. Уж лучше так, чем неволить себя. В какой-то вечер сказал ей об этом, даже попросил прощения, что взбаламутил, но она совсем не удивилась, лишь зябко повела широкими покатыми плечами:

— Ты как был скотиной, так ею и остался. Уходи — держать не буду! — и завернулась от него в одеяло.

«Вот дожил до чего, — подумал он, — обе гонят и видеть не хотят!»

Перебрался он на следующий день, хотя чего перебираться-то — сумку собрал и был таков. Правда, сказал на прощание, пытаюсь сгладить расставание:

— Нам надо одним пожить. Вот тебе деньги за квартиру — расплатишься с хозяйкой. В случае чего — звони, я буду у родителей.

— И не подумаю, больно нужно.

От её вредных слов Шурыгину сделалось легко на душе. Значит, не надо объясняться, что-то придумывать, врать. Ушёл — и ушёл. Как говорится, скатертью дорога.

Вроде бы легче сделалось, но мысли о сыне не покидали ни на минутку. Он ставил себя на его место, пытаясь воссоздать цепочку его возможных действий и поступков. Мыслями голову забивал, но разве можно всё проследить и предугадать, пусть и за сына. Ведь наверняка у него всё по-другому, если он и думает не так, как сам думал в его годы. У них на уме был футбол и хоккей, а то, бывало, драки устраивали: улица на улицу, милиция разгоняла. А разве нынешних чем-то заинтересуешь. Вахлаками растут, слова поперёк никому не могут сказать. И хорошо, что у него хватало времени заниматься Павликом, учить уму-разуму. За полмесяца они успевали многое: в футбол играли, за грибами ездили, опять же — на реку ходили. Зато другую половину месяца сын проводил под надзором бабушек. Придёт из школы — рюкзак под стол, перекусит и за компьютер. Напомнят ему об уроках, а у него один ответ: «Не задавали!» — «Как же так?» — возмутятся они, а если сильно пристанут, то он приврёт: «Теперь уроки через компьютер удалённо делают. Совсем отстали от прогресса!»

Они, конечно, жаловались матери, когда она приходила с работы или из театра. Та надоедливо ругала, призывала к совести, а потом усаживала за письменный стол, а он носом в тетрадку начинал клевать, засыпая. Поэтому у Полины и бабушек вся надежда была на него, Шурыгина, — всегда строгого, рассудительного и авторитетного: как сказал, так и сделал.

Но как ни слыл Александр примерным, всё-таки недавняя встреча с Ксенией, уход от жены всю его примерную жизнь поломали и всё в нём

перевернули. Когда же пропал сын, ходил небритый, взъерошенный, к себе наплевательски равнодушный. Если прежде, когда в жизни всё ладилось, шагал легко, открыто, словно по проспекту, то теперь, поддаваясь студёному ветру надвигавшейся зимы, будто пугливо вихлял окольной дорогой, постоянно спотыкался, не зная, как свернуть с неё. И это продолжалось до того дня, когда перебрался к родителям и привёл себя в порядок.

В эти же дни договорился с начальником автоколонны, что доработает календарный месяц, хотя надо было бы сразу рассчитаться, чтобы не мелькать перед Ксенией и поскорее забыть её. Окончательно и навсегда И Полину забыть, потому что дважды в одну воду не войдёшь. Теперь у него осталась только одна забота: сын! Вот кого он любил по-настоящему и ради него готов на всё. Эта внутренняя установка вывела его из недавней меланхолии, когда опускались руки от неопределённости, отсутствия хоть каких-то вестей о Павле.

Мотаясь по городу, Шурыгин постоянно отслеживал прохожих на тротуарах, на автобусных остановках, в иных людных местах, пытаясь не пропустить разноцветную куртку сына. Дважды обманывался. В одном случае оказался молоденький пацанчик, а в другом — кособокая старушка. «Тебе-то зачем молодой рядиться? — подумал он, чуть не поперхнувшись. — Модница выискалась, едрит твою в корень!» Но даже и эти случайные встречи не отбили охоту к поиску, и он превратился в механически озиравшегося робота.

В предпоследнюю смену перед увольнением он в поздний час возвращался в автоколонну и увидел на мосту через Сосну торопливого прохожего, в походке которого виделось много знакомого: левая рука прижата, а правая работала словно маятник. Такая походка была только у сына, только он мог так идти, словно загребая воздух. Вот только смутила непонятная одёжка, казавшаяся в ночном освещении серо-грязного цвета, и высокая кепка, в каких прежде ходили старики. И всё-таки Шурыгин резко затормозил, заскользив по наледи, остановил машину, хотя на мостах запрещено останавливаться, и подбежал к шархнувшемуся от него человеку.

— Стой же, стой! — отчаянно закричал Александр, узнав сына, еле догнав его и ухватив за широченную куртку. — Пашка, это я — твой отец!

Отдышавшись, Александр прижал сына к парапету, попытался посмотреть ему в глаза, но тот лишь отворачивался и вырывался. А когда, повернувшись, выкрикнул: «Отстань, всё равно домой не пойду!» — Шурыгин увидел, что у сына подбит левый глаз, и от этого стало ещё жальче его.

— Погоди, не ерепенься! Не хочешь домой, поедем к бабушке! Ведь мы все ночи не спим, весь город по десять раз прочесали, а ты как растворился!

— В Липе неделю был, зря старались...

— Ну и чего в том Липецке забыл? Это там под раздачу попал и куртки лишился?

— Да... Пацаны местные бортанули.

Через силу, исподлобья косясь, Павел будто цедил слова, и Шурыгин не знал, как успокоить его, заговорить нормальным языком.

— Чего не звонил-то?

— Телефон отняли... Но даже если и не отняли бы, всё равно звонить не стал. Ты и мать — предатели. Оба бросили меня!

Неожиданно Павел вырвался и пустился наутёк, но бежал, неуклюже прихрамывая, поэтому остановился, почувствовав, что отец догоняет.

— Стой! — истерично выкрикнул сын, не подпуская его к себе. — Если подойдёшь, в реку сброшусь!

Угроза прозвучала так отчаянно, что Александра обожгла мысль: «А ведь действительно сбросится... Тогда всё...» И он замер в нескольких шагах, стараясь не провоцировать сына опрометчивым движением, успокоить его, понимая, что в этот момент всё может произойти от случайного неуклюжего слова.

— Ладно, не подойду, только выслушай меня... — Обиженно попросил Шурыгин и замялся. — Ты дуешься на нас, но это правильно лишь наполовину. О матери ты зря плохо подумал... К ней брат с женой приезжал из Украины — работу они искали, не нашли и дальше поехали. Вместо того чтобы поговорить и что-то выяснить, ты фыркнул, сделал по-своему... Ладно, у тебя на меня обида, но мать с бабушками и дедом причём? Или ты только о себе думаешь? Если считаешь, что такой безгрешный и умный, то продолжай скитаться, мне более нечего тебе сказать! — выкрикнул Александр срывающимся голосом.

Чувствуя, как от обиды глаза застилают слёзы, а более от своего неумения повлиять на сына, хоть как-то уговорить, он резко повернулся и пошёл к машине на ватных ногах, понимая, что проиграл, и не знал, что теперь делать. Хотел вернуться, ещё раз поговорить с сыном, убедить его, но почти у капота услышал сзади топот, оглянулся — а это Павел совсем рядом. Подбежал, ткнулся в грудь, а потом вздохнул и посмотрел в глаза, жалобно попросил:

— Прости, пап! Я всё понял! — и совсем по-детски заревел.

От его признания и слёз Шурыгин онемел, крепче прижал к себе сына и долго стоял с ним в обнимку, чувствуя, как он весь дрожит. Когда они более или менее успокоились, Шурыгин твёрдо сказал:

— Садись в машину, к матери отвезу! Хватит, набегался!

И сын покорно согласился, а Шурыгин всё ещё не верил в этот счастливый случай, когда всё разрешилось столь неожиданно просто.

Пока ехали, Павел во все глаза смотрел на отца. Хотел что-то сказать и не решался. Только у самого подъезда, когда Александр спросил: «Сам дойдёшь?» — он попросил:

— Пойдём вместе, пап, пожалуйста!

Александр замялся:

— Не могу. Я ведь теперь у родителей живу...

— Как хочешь, — не стал настаивать сын, укоризненно посмотрев. — Всё равно спасибо, что нашёл меня!

Он, оглядываясь, направился к подъезду, а Шурыгин смотрел ему вслед, всё ещё переживая и волнуясь. Но вот Павел у двери остановился и быстро вернулся, твёрдо сказал в открытое окно, как приказал:

— Пошли, тебе говорю! Я мамке всё объясню. Она поймёт — вот увидишь!

— Как же это... — растерялся Александр, не ожидая от сына такого напора, и засомневался в себе, но лишь на малое время; тотчас душа его распустилась, и он не посмел послушаться, радуясь за Павла, за себя и за тех людей, кто в этот поздний час возвращался с окольных дорог.